

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 1

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Т37 Тетради Русской экспертной школы № 1 : научное издание / Авт.-сост. В.А. Щипков. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-593-1

Первая Тетрадь Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных комментариев, обсуждавшихся во время лектория Школы, посвящённого консервативным мировоззренческим процессам в современной России. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: что такое «консервативный поворот», как тема революции отражена в русской мысли, что связывает Трампа и Россию, есть ли на Донбассе идеология, какие типы консерватизма существуют в России, почему русский писатель проходит путь от бунта к традиции и что такое «постсекулярный язык».

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-593-1

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В.А., 2017.
© «Пробел-2000», 2017.

Содержание

О Русской экспертной школе	5
А.Ю. Минаков	
Типология консерватизма в современной России	8
А.П. Козырев	
Революция и русская мысль	35
К.С. Бенедиктов	
Трамп и Россия	57
М.В. Ремизов	
Консервативный поворот	78
Д.О. Бабич	
Путь русского писателя: от бунта к традиции	94
В.А. Щипков	
Постсекулярность и язык Церкви	113

ТИПОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Консерватизм представляет собой идеологию, стиль мышления и систему ценностей, которые, говоря применительно к Европе, опираются на христианскую нравственность и национальные культурные и этические традиции. Само слово «Традиция» является ключевым элементом консерватизма (в отличие от социализма и либерализма, центральное место в идеологии которых занимают равенство и свобода соответственно). Основными институтами, на которые опирается консерватизм и которые являются носителями принципов традиции и иерархии, являются семья, государство, армия, школа.

Если говорить о консерватизме как об историческом явлении, то абсолютное большинство исследователей сходятся в том, что временем зарождения консерватизма следует считать конец XVIII века. Отправной точкой для его появления стала Великая французская революция (1789 г.). Эта революция зиждилась на идеях западноевропейского Просвещения. Общеизвестна её идеологическая формула: «Свобода, Равенство, Братство». Однако на практике этот красивый лозунг обернулся массовыми казнями, уничтожением культурных ценностей, нравственной деградацией и бесконечными агрессивными войнами. Те логические построения, которые хорошо выглядели на бумаге, обернулись для Европы невероятными потрясениями. Эти события произвели шокирующее впечатление на всё европейское общество, привели к возникновению идеологии «постпросвещения», каковым стал консерватизм. Отцами-основателями консерватизма принято считать англичанина Эдмунда Бёрка и француза Жозефа де

Местра. Основоположником русского консерватизма стал Николай Михайлович Карамзин.

Русский консерватизм зарождается немного позже западноевропейского. Период его развития и становления приходится на первую четверть XIX века, на время царствования Александра I (1801-1825). Знаковыми фигурами русского консерватизма первой волны стали Державин, Карамзин, Шишков, Растопчин, Глинка, Магницкий, Стурдза. К сторонникам этого направления русской мысли относились великая княгиня Екатерина Павловна, создательница русской партии при дворе и родная сестра Александра I, и Аракчев — одна из наиболее негативно мифологизированных фигур в русском политическом пантеоне того времени. Именно в первой четверти XIX века возникают основные идеи русского консерватизма, которые были им пронесены через весь XIX и начало XX века, сохранялись и развивались в русской эмиграции. Русский консерватизм развивался в качестве движения, противостоящего господствующей в тогдашнем российском обществе галломании — безоглядному почитанию всего французского. Мировое значение Франции того времени было сопоставимо с нынешней ролью Соединённых Штатов Америки. Франция доминировала в политическом, культурном и идеологическом поле. В полемике, развернувшейся между русскими консерваторами и галломанами, первые сформулировали основные положения своего учения. Первым столпом консерватизма стало убеждение в необходимости опоры на собственную национальную традицию. В качестве основы этой традиции первые русские консерваторы видели укоренённую в православии русскую культуру и сильную централизованную власть (самодержавие). Таким образом, уже в первой четверти XIX века они предвосхитили формулу графа Уварова «православие, самодержавие, народность», которая появилась значительно позже, в царствование Николая I. «Православие, самодержавие, народность» недвусмысленно противопоставлялась «свободе, равенству, братству».

Русские консерваторы первой волны — это русские европейцы, люди, которые получили домашнее образование, как правило, при помощи французских гувернёров, которые учились в благородном пансионе, которые свободно говорили на нескольких иностранных языках, совершали длительные путешествия на Запад, слушали лекции в ведущих университетах Европы, состояли членами масонских лож и входили в самые элитные объединения. Это была часть элиты русского общества, но та её часть, у которой включилось национальное самосознание, которая, подобно Карамзину, поняла, что период подражательства должен быть завершён. Так, с 1802 года в «Вестнике Европы» Карамзин публикует ряд статей, которые носят программный консервативный характер. Одна из них называется «О любви к Отечеству и народной гордости». Карамзин, который в своих записках о путешествии на Запад пишет, что надо быть гражданами мира, а не только славянами, что путь совершенствования един для всех народов и что странам не следует замыкаться в национальную скорлупу. Тот же Карамзин в «Вестнике Европы» говорит нам, что вечно преклоняться перед Западом — унижительно и недостойно, что русские должны знать себе цену и что России ещё предстоит сыграть свою роль на мировой арене. Не будет лишним упомянуть, что в 2015 году В. Путин привёл обширные цитаты из этой самой статьи 1802 года. Важно отметить, что и Карамзин, и Александр Шишков, и Фёдор Растопчин, и Михаил Глинка, и Александр Стурдза — это рафинированные, тончайшие русские европейцы, но при этом консерваторы, люди, которые отрефлектировали негативный опыт русского западничества и попытались разработать своё видение, свой дискурс, отличный от западноевропейского.

Во второй четверти XIX века последователями консерватизма были многие значимые деятели русской культуры. Консервативными можно назвать стихи зрелого Пушкина. После 1825 года поэт в корне поменял своё мировоззрение: это уже совсем не тот вольнолюбивый Пушкин, который с лёгкостью писал эпиграммы на царя

Александра I. Другие, не менее именитые консерваторы того времени — поэт Тютчев, Гоголь (с его «Выбранными местами из переписки с друзьями» и «Размышлениями о Божественной Литургии»), историк Погодин, примыкавший к кругу министра народного просвещения Уварова, который сформировал всю систему российского образования того времени: от школы до академии наук. В дальнейшем русский консерватизм в общественно-политической мысли был представлен такими направлениями мысли, как славянофильство (братья Иван и Пётр Киреевские, братья Иван и Константин Аксаковы) и почвенничество (Фёдор Достоевский, Николай Данилевский). Видными деятелями консерватизма, его практиками были Михаил Катков, Константин Победоносцев, Константин Леонтьев, бывший революционер Лев Тихомиров.

Слабость русского консерватизма, несмотря на то, что в его рядах присутствовали светочи русской культуры, её безусловные гении — такие, как Карамзин, Пушкин, Тютчев, Данилевский, Достоевский — была в том, что его влияние на политику и сознание правящего слоя было эпизодическим и точечным. Русский консерватизм использовался властью в минуты, когда ей угрожала опасность. Так, консерваторов, маргиналов начала XIX века, возвысила Отечественная война 1812 года, которая несла тотальную угрозу и которая могла просто смести Россию с лица земли. В этих условиях эти люди оказались востребованы. Точно так же в 1905-1907 годах поносимые либералами и социалистами черносотенные организации наряду с гвардейскими полками прекратили начавшуюся революционную смуту. По разным причинам либерально настроенная бюрократия в дальнейшем компрометирует и максимально ослабляет эти организации, так что к февралю 1917 года не остаётся уже никого, способного встать на защиту монарха и монархии. Иными словами, недостатки и слабость русского консерватизма всегда проявлялись не в его идейной слабости, а в отсутствии непрерывной и системной консервативной традиции. Русскому

консерватизму не хватало постоянного присутствия в составе политического класса, ответственного за принятие государственных решений.

Революционные события 1917 года стали цивилизационной катастрофой. Консерватизм как таковой прекратил своё существование в России. Его носители были либо физически уничтожены, либо высланы за границу, либо в полной мере маргинализированы, как это произошло с Алексеем Лосевым, выдающимся представителем русского религиозного возрождения. И совсем не случайно президент В. Путин в своём недавнем послании к Федеральному Собранию 2016 года использовал яркую цитату этого мыслителя, когда говорил о необходимости национального примирения. Лосев прошёл очень тернистый, даже мученический жизненный путь. После освобождения из заключения, которое он отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала, Лосев тайно принял монашеский постриг под именем Андроника. Это исследователь, который чрезвычайно много сделал для того, чтобы раскрыть социокультурный код античной цивилизации, цивилизации, наследниками которой стали как Европа, так и Россия. Однако всю свою жизнь Лосев был обречён оставаться одиночкой, человеком, который выживал в сложнейших условиях беспрецедентного идеологического давления. Консерватизм рассматривался в СССР как идеологический антипод государственной идеологии марксизма-ленинизма.

Только после 1991 года началось подлинное возрождение русского консерватизма. И отличительной чертой этого возрождения стало то, что очень многие из характерных черт русского дореволюционного консерватизма вновь проявили себя уже на новом историческом этапе. Матрица русского консерватизма оказалась чрезвычайно устойчивой, способной к самовоспроизводству. В настоящее время феномен возрождения русского консерватизма является актуальным направлением в российской гуманитарной науке и останется таковым и в будущем.

Серьёзной трудностью для исследователей современного консерватизма является необходимость отделения собственно консервативных взглядов от широкого спектра правых идеологий. Тем не менее такое различие является отправной точкой данного доклада. Среди направлений современной русской консервативной мысли можно выделить следующие:

- маргинальный консерватизм (палеоконсерватизм) — консерватизм монархического, «черносотенного» дореволюционного образца;
- консерватизм национал-большевистского толка — консерватизм, характерный для советского и постсоветского периода;
- церковный консерватизм;
- либеральный консерватизм наследников славянофильской и неославянофильской мысли;
- неоевразийство;
- националистический консерватизм (младоконсерватизм);
- левый консерватизм;
- официальный правительственный консерватизм — консерватизм, который зародился в первой половине 1990-х годов, бурно развивается в наши дни и имеет связи с традициями русского либерального консерватизма.

Каждое из перечисленных направлений по-своему следует определённым традициям, претендующим на статус национальных и укоренённых в истории. Все эти течения консерватизма обращены к опыту прошлого — давнего или недавнего, все они пронизаны идеями религиозной традиции, исторического опыта, патриотизма, национальной самобытности, антизападничества, антилиберализма. При этом между всеми этими течениями консерватизма нет жёстких границ. По этой причине многие организации консервативной направленности в идеологическом плане зачастую представляют собой синтез из двух и более направлений консервативной мысли.

Подробное рассмотрение каждого отдельного направления начнём с маргинального консерватизма. Другие его названия — палеоконсерватизм и антикварный консерватизм. В конце 1980-х – начале 1990-х годов этот консерватизм прочно ассоциировался с деятельностью национально-патриотического фронта «Память». На его основе возникали другие, родственные ему организации, например, «Чёрная сотня». Все эти организации составляли своеобразную коалицию. Причём в программе каждой из них шло почти дословное воспроизведение дореволюционных политических установок, собственных тогдашним консерваторам. Так, общим местом и отправным пунктом для них была необходимость реставрации империи как формы государственного устройства и самодержавной монархии как формы правления. Кроме того, палеоконсервативные организации повсеместно использовали внешние атрибуты дореволюционного времени, вплоть до дореформенного кириллического алфавита. Однако в силу колоссального культурного разрыва между теми идеями, которые провозглашали палеоконсерваторы, и политической культурой и ценностями постсоветского общества, включая ценности элиты, этот монархический консерватизм был изначально обречён на маргинальное существование. В конечном итоге палеоконсервативные, «черносотенные» организации в 1990-е годы были использованы представителями тогдашней властной элиты и связанными с ней либеральными СМИ для создания и продвижения мифа о «русском фашизме» и компрометации всей системы консервативных и патриотических ценностей как таковых. Заинтересованным лицам было тем более легко добиться дискредитации консерватизма, что во многих случаях радикализм взглядов, экзотичность требований и просто политический инфантилизм в этих организациях зашкаливали. Это была идеальная почва для всякого рода провокаций. Тем не менее важно отметить, что существование этих организаций во многом было бы невозможно представить без предварительной активной поддержки так называемой «старой русской литературной партии». Она возник-

ла в 1960-1970-е годы в писательских кругах, её оплотом были такие журналы, как «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва». Показательно, что само общество «Память» получило своё название от одноимённой книги писателя В. А. Чивилихина. На начальном этапе этой партии сочувствовали такие крупные фигуры, как писатели-деревенщики (Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев), художник Илья Глазунов, скульптор Вячеслав Клыков, идейно к этой партии примыкали композитор Георгий Свиридов, артист и кинорежиссёр Николай Бурляев. Однако, увидев плоды своей литературной деятельности в реальной политической практике палеоконсервативных организаций, представители старой литературной партии решили дистанцироваться от своих не в меру рьяных последователей, предпочли воздерживаться от участия в политических акциях и избегать публичных заявлений. В 2005 году наследником всех палеоконсерваторов стал Союз русского народа. Но и он, просуществовав всего один год, распался на несколько конкурирующих организаций. В настоящее время существует несколько партий, близких монархическим и черносотенным идеалам, однако их реальное политическое и идеологическое влияние стремится к нулю. Говоря о палеоконсерватизме, нельзя не упомянуть о фигуре Владимира Николаевича Осипова. Это старейший правый диссидент, который в 1970-1980-е годы, как впрочем, и в 1960-е, был идейно близок Александру Солженицыну, Игорю Шафаревичу, Леониду Бородину — публицистам почвеннического, славянофильского толка. Осипов в своих политических акциях в 1980-1990-е годы оказался довольно близок палеоконсервативному дискурсу.

После 1991 года значительную роль в деле возрождения правых консервативных тенденций сыграл национал-большевизм. Это направление консервативной мысли восходит к политической идеологии 20-х годов XX века и элементам политической практики сталинского руководства в 1930-1940-е годы. Исходная социалистическая идея — это абсолютно, стопроцентно, тотально антикон-

сервативный проект. Она отрицает частную собственность, семью, государство, религию, буржуазное право, провозглашает принципы интернационализма, где национальное воспринимается как некий враг, как то, что должно быть преодолено. Тогда как для консерваторов эти ценности являются основополагающими. То есть советский проект образца 1917 года — это тотальная война на уничтожение консервативных ценностей. Здесь никакого сомнения быть не может. Но в преддверии Великой Отечественной войны логика ситуации, когда режим должен был увеличивать свою социальную базу, искать пути воздействия на массы, заставила группу Сталина-Жданова, пусть в искажённой, уродливой, редуцированной форме, но начать использовать патриотическую риторику, обращаться к образам Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Александра Суворова, которые раньше, в 1920-е годы однозначно позиционировались как представители эксплуататорского класса. Это были фигуры, которые подлежали всеобщему поношению и вытеснению из исторического сознания. Весьма характерно и то, что Советская Россия в 1920 году первой в мире ввела практику аборт, а в 1936 году аборты были запрещены. В ходе репрессий к 1937 году Сталиным было уничтожено большинство крайне левых большевиков. И далее всё идёт по нарастающей: возникает идея своеобразного «социалистического государственничества», социалистического патриотизма, а в 1943 году даже возрождается патриаршество. Это время ассоциируется с имперским периодом, тогда и происходит синтез социализма с патриотизмом. Отправной точкой идеологических перемен в советском государстве стал 1933 год, когда в Германии к власти пришли нацисты, и Сталину стало понятно, что противостоять этой страшной силе, апеллируя к Марксу, Энгельсу, Розе Люксембург, уже не получится. Уже тогда стало понятно, что грядёт большая война, на которую придётся мобилизовать миллионы людей и отправить их на смерть. А за Розу Люксембург или за диалектику производственных отношений народ умирать не будет.

Национал-большевики же искренне стремились сочетать ленинско-сталинскую идеологию с русским патриотизмом и с той моделью социализма, которая была создана в СССР в 1930-1950-е годы. Национал-большевистская идеология в целом преобладала и в литературной партии. В 1990-е годы сторонниками национал-большевизма был Александр Проханов и в какой-то степени Сергей Бабурин. Национал-большевики исходили из того, что в 1930-е годы произошло позитивное перерождение большевистского режима. А сам Сталин выступил в роли консервативного лидера, который сознательно уничтожил левацкую ленинско-троцкистскую элиту. Национал-большевики полагали, что сохранение советского строя, в особенности КПСС, было бы полезно для России. Но КПСС, по их мнению, должна была окончательно отказаться от рудиментарного марксизма-ленинизма, начать создание империи нового типа, сохранив при этом достижения советского строя. Именно эта группа во многом идеологически подготовила путч 1991 года. Её манифест, знаменитое «Слово к народу», был опубликован за несколько дней до событий 19-21 августа 1991 года. Наиболее известным выразителем этих идей была газета «День» (сейчас она называется газета «Завтра»), редактором которой уже много лет является Проханов. Помимо Проханова с конца 1980-х годов и до настоящего времени в создании национал-большевизма поучаствовали Александр Зиновьев, Эдуард Лимонов, Сергей Кара-Мурза. Однако заслуга в этом Александра Проханова является наибольшей. Чтобы понять мировоззрение Проханова и близких к нему национал-большевиков, следует сказать, что для них Шишков, Карамзин, Леонтьев — это, безусловно, важные фигуры в истории русского консерватизма, но главный русский консерватор в их представлении — это Сталин. Проханов искренне считает, что Сталин — это патриот, консерватор, «император». Фактически Проханов игнорирует реальность, он создаёт миф. Например, начисто игнорируется тот факт, что разрушение церквей, начавшееся при Ленине, продолжалось и при Сталине.

При этом национал-большевизм не отрицает постановку вопроса об интересах русского народа. Многие национал-большевики могут сказать: «мы нормально относимся к церкви», — и даже повторить формулу «православие, самодержавие, народность». Г. Зюганов даже этим как-то бравировал. И хотя сейчас этого нет, в 1990-е и в начале 2000-х эта формула присутствовала в его риторике. Но когда дело доходит до серьёзного мировоззренческого выбора, социалистические ценности в ленинско-сталинском виде начинают выходить на первый план, доминировать и возникает их конфликт. Национал-большевизм не органичен, это слабый синтез. Очень трудно примирить фигуры Ленина и Сталина с одной стороны с сонмом новомучеников с другой. Когда Проханов восторгается иконой, где Божья Матерь благословляет Сталина с маршалами, то с другой стороны можно поставить множество икон с мучениками, которые покинули мир именно благодаря деятельности вождя народов. Как это примирить? Тут есть разрыв, преодолеть который невозможно. Здесь должен быть сделан выбор в пользу одной из сторон.

После августа 1991 года именно благодаря усилиям национал-большевистской группы была сделана первая попытка объединения правых традиционалистов и национал-большевиков в организацию «Фронт национального спасения». Эта структура играла весьма значительную роль в событиях, предшествовавших трагическому октябрю 1993 года. В либеральном дискурсе это движение называли не иначе как «красно-коричневым». Его идеологическая неоднородность предопределила скорый раскол этого движения. Правые консерваторы солженицынско-осиповского толка неохотно шли на сотрудничество, считая, что ведущую роль во «Фронте национального спасения» неизбежно будут играть национал-большевики. В скором времени произошёл выход правых консерваторов из «Фронта национального спасения». С конституционного кризиса и его трагической силовой развязки начинается новый период в истории развития страны и новый этап в развитии идеологических течений.

Во второй половине 1990-х годов ведущая роль в идейной эстафете консервативной мысли переходит к церковному консерватизму. И организацией, которая актуализировала систему консервативных ценностей, смогла её выразить на современном политическом языке, стал Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС). Эта организация была создана в 1993 году усилиями нынешнего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, бывшего на тот момент Митрополитом Смоленским и Калининградским. Большую роль в становлении ВРНС сыграл председатель Союза писателей России В. Ганичев. Тот факт, что организация была создана высшим руководством церкви, конечно, придавал ей особый статус и авторитет. В заседаниях Собора нередко принимали участие представители интеллектуальной элиты, близкой к властным кругам. В 2000-е годы ряд интеллектуалов, принадлежавших к кругу ВРНС, создали обширную политическую программу. Именно благодаря их усилиям в сознание политического класса России были привнесены следующие проблемы и понятия: «разделённое положение русского народа», «русский мир», «необходимость насильственного воссоединения». Фактически ВРНС вынес на политическую и идеологическую повестку дня «русский вопрос», который включает в себя проблему снятия отчуждения значительной массы русских от власти и собственности, защиту их политических, гражданских, этнокультурных прав. С подачи ВРНС в современную политическую лексику прочно вошёл термин «русская цивилизация». Многие основополагающие идеи церковного консерватизма нашли своё выражение в принятом на архиерейском соборе 2000 года документе об основах социальной концепции РПЦ. В то же время следует отметить, что ВРНС нельзя в полной мере считать политической организацией, так как Русская Церковь дистанцируется от политики и предписывает клирикам полное неучастие в политической борьбе.

Ещё одно направление современного консерватизма — это неославянофильство. Неославянофилы (идеологические преемники исторических славянофилов) также могут быть названы либераль-

ными консерваторами. В советское время наиболее яркими представителями этого течения являлись Солженицын, Шафаревич, Бородин. Основную идею либерального консерватизма можно понять из его названия — она заключается в попытке синтеза идей русского патриотизма и самобытности с либеральными принципами гражданских прав и свобод. Крупнейший идеолог либерального консерватизма Солженицын, вернувшийся в Россию в 1994 году, своей публицистикой оказал значительное влияние на идеологические процессы в позднем СССР и Российской Федерации. Для понимания современного либерального консерватизма ключевой является статья Солженицына «Как нам обустроить Россию». Сразу же после написания это эссе было издано миллионными тиражами в наиболее массовых изданиях и стало объектом серьёзной дискуссии. В этом произведении Солженицын предлагал решить русский вопрос путём пересмотра внутрисоюзных границ через референдумы. С его точки зрения, это позволило бы объединить русский мир и избежать геополитической катастрофы, которая последовала в 1991 году и привела к разделённому положению русского народа. Фактически Солженицын сформулировал и вынес на всеобщее обсуждение вопрос «о возможности создания русского национального государства». Солженицын много говорил о роли православия, о необходимости создания русской национальной школы, выступал с резкой критикой, причём с консервативных позиций, того политического режима, который в настоящее время ассоциируется с деятельностью Б. Ельцина.

Неославянофилами были созданы несколько дееспособных организаций, в частности «Российское народное собрание» (февраль 1992 года). В названии этой организации видна переключка с «Русским собранием», созданным в 1900 году и послужившим в начале XX века образцом для создания целого ряда консервативных организаций. «Российское народное собрание» было сформировано неопатриотами, людьми, которые осенью 1991 года покинули ультралиберальную «Демократическую Россию» и перешли в оппозицию к Б. Ельцину. Сре-

ди лидеров «Российского народного собрания» выделялись Дмитрий Рогозин (он тогда возглавлял «Союз возрождения России»), Михаил Астафьев — руководитель «Конституционной демократической партии» («Кадеты», «Партия народной свободы»), и Виктор Аксюциц — организатор «Российского христианского движения». «Российское народное собрание» поддержал Александр Руцкой. Эта группа смогла оказать ощутимое влияние на политическую линию Верховного совета Российской Федерации. Однако драматические события 1993 года прекратили деятельность этой и других подобных организаций. Одним из преемников «Российского народного собрания» стал «Конгресс русских общин», в рядах которого в 1995 году были Лебедь, Глазьев, Осколков, Рогозин. Тогда же эта группа предприняла попытку пройти в Государственную Думу. Очевидно, что у неё были неплохие шансы на успех, однако в результате применения манипулятивных предвыборных технологий эта попытка не удалась. На тот момент национальная консервативная фракция в Госдуме не состоялась. В 2003 году эта же группа совершает вторую, теперь уже успешную попытку пройти в Госдуму. Тогда был создан народно-патриотический союз «Родина», но к 2005 году этот политический блок фактически распался. Тем не менее он выполнил свою миссию и доказал, что национально-патриотические, консервативные силы в состоянии играть довольно серьёзную политическую роль. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в настоящий момент Рогозин занимает пост заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, а Глазьев является советником Президента Российской Федерации. Однако современная партия «Родина» — это структура, оставшаяся без ярких лидеров и идеологов.

Следующее течение консерватизма, которое нельзя обойти вниманием, — это неоевразийство (современное евразийство). Геополитическая идея неоевразийства заключается в том, что только в союзе со стремительно развивающимися странами Востока Россия сможет противостоять Западу. Как и в 20-е годы XX века, когда евра-

зийство только зародилось как философско-политическое направление, современное евразийство является выразителем идей крайнего антизападничества и антилиберализма. Наиболее яркими представителями евразийства были историки Лев Гумилёв и Владимир Махнач, а также ныне здравствующий Александр Дугин. Именно Дугин в настоящее время является самым ярким выразителем идей неоевразийства. Дугин многое сделал для того, чтобы популяризировать взгляды неоевразийцев, и сформулировал на страницах своих произведений несколько весьма оригинальных, в некоторых случаях доходящих до экстравагантности концепций. Так, в его построениях есть теории о великой борьбе континентов, о борьбе цивилизации суши с цивилизацией моря. Рациональные, прагматические идеи евразийства очевидно были использованы Н. Назарбаевым и В. Путиным в геополитических программах Казахстана и России соответственно.

В конце XX века в русском консервативном движении резко усиливаются антилиберализм и националистические настроения, что весьма ощущается в тех тезисах, которые выдвигают современные консерваторы. Кроме того, существенное влияние на формирование идеологического поля вообще и консервативных идеологий в частности оказало вхождение в общественно-политическую реальность сети Интернет. Интернет предоставил широкому кругу людей большие возможности для свободного обмена информацией и создания неформальных организаций и сетевых структур. Всё это привело к резкому увеличению самоорганизующихся идеологических групп, а также к созданию в их среде ряда новых идеологических концептов. С наступлением эпохи общедоступного интернета в консервативное движение пришло множество молодых людей, обладающих философским, историческим, политологическим образованием. Мировоззрение этих людей резко отличалось от взглядов представителей консервативной русской литературной партии. Эти молодые люди — так называемые младоконсерваторы — в начале 2000-х создали идеологический пресс-клуб, ядро которого составили Вадим Цымбурский,

Борис Межуев, Константин Крылов, Егор Холмогоров и другие. Они издавали еженедельник «Консерватор», главным редактором которого был Дмитрий Ольшанский. Так формируется националистический консерватизм, или младоконсерватизм. Любопытно, что немаловажную роль на начальном этапе формирования националистического консерватизма сыграл либеральный политолог Станислав Белковский: именно благодаря его поддержке часть младоконсерваторов стала сотрудниками «Института национальной стратегии», директором и учредителем которого являлся он сам. Однако уже в 2006 году младоконсерватизм как явление перестал существовать, а ряд его представителей перешли на позиции русского национализма, который свою основную задачу видел в создании русского национального государства. Сегодня ведущим информационным органом этой группы является журнал «Вопросы национализма». По всей видимости, именно благодаря деятельности этой группы сам термин «национализм» был легализован в публичном пространстве. Весьма характерна в этом отношении реплика Путина: «Самый главный националист России — это я». Конечно, сделана она была со всеми необходимыми оговорками, которых требовала политкорректность.

Представляется немаловажным, что уже в ближайшие годы пальма первенства современного консервативного движения может перейти к так называемому «левому консерватизму». Это направление мысли сформировалось сравнительно недавно и его идеи лучше всего выражены в философско-политологических сборниках «Перелом» и «Плах», вышедших под редакцией А. В. Щипкова. С точки зрения левого консерватизма мир сейчас находится в своеобразной точке бифуркации. Евроатлантическая цивилизационная модель в нынешней форме достигла пределов своих возможностей и теперь начинается мощная обратная реакция на глобалистский постсекулярный либерализм, которая выражается в сильнейшем запросе общества на национальную идентичность и национальную традицию. Возможный выход из ситуации левые консерваторы ви-

дят в новом обращении к ценностям традиции и социальной справедливости. Предлагается синтез этих ценностей: создание такой социально-политической системы, в которой могли бы органично ужиться и традиционные консервативные ценности, и ценности социалистические. Однако чтобы уяснить себе содержание взглядов социальных консерваторов, следует обратиться к их пониманию социализма. Фактически в их формулировках социализм — это такое состояние общества, которое, с одной стороны, должно исключить все проявления крайней нищеты, а с другой — не допустить появления сверхбогатой прослойки людей, «олигархов». Такое понимание социализма не несёт в себе идеи отрицания иерархии во имя всеобщего равенства, что было характерно для социализма классического. Когда левые консерваторы говорят о справедливости, они её трактуют, прежде всего, с христианских и национальных позиций. Принцип равенства понимается здесь как принцип солидарности, и важнейшей социально-политической задачей провозглашается создание условий для достижения этой национальной солидарности. В духе Ломоносова и Солженицына одной из главных задач левые консерваторы считают сбережение народа и его традиций. Строго говоря, социальный консерватизм и консервативный социализм имеют мало общего с традиционным марксистским социализмом и практикой коммунистического строительства. Лишь в экономике социальный консерватизм предполагает умеренно-эгалитаристскую модель, тогда как в остальных сферах общественной жизни — опору на традиционные ценности. Представляется, что система аргументации левых консерваторов вполне соответствует логике консервативного стиля мышления. Однако следует отметить, что речь идёт и об очень серьёзной новации. Так как повестка социальной справедливости — эгалитаризм, в каком бы то ни было виде — это явление, не свойственное ни русской консервативной мысли предшествующих периодов, ни мировой консервативной мысли. Но консерваторы отличаются от своих оппонентов тем, что всегда апеллируют к реально-

сти, к исторической действительности, а не к кабинетно-логическим схемам, как бы красиво они ни выглядели на бумаге. История России в период с 1917 по 1991 год явила собой совершенно беспрецедентный сдвиг влево, «красный» сдвиг в идеологическом спектре всей страны. Он оказал огромное влияние на самые основы самосознания всех народов, населяющих Россию и всё постсоветское пространство. Консерватизм всегда опирается на историческую данность. А принципы социальной справедливости за семь десятилетий советского периода успели прочно войти в плоть и кровь народа. И консерваторы, которые в большинстве случаев рассматривают свою идеологию как явление национальное, не могут это не учитывать. Русский консерватизм всегда будет отличаться от английского, английский от французского, французский от немецкого, турецкого. Левые консерваторы утверждают, что консерватизм обречён на переосмысление принципов справедливости в духе христианской традиции и на противостояние практикам глобализма. Левый консерватизм, безусловно, способен вытеснить течения консерватизма, которые возникли в рамках национал-большевистского спектра.

5 ноября 2016 г. я совершил поездку в Донбасс, в г. Донецк. Целью моей поездки было участие в конференции, которая носила название «Русская цивилизация. Воюющий Донбасс как эпицентр цивилизационного пробуждения Русского мира». Хотя Воронежская область, где я постоянно проживаю, и граничит с Луганской, между ними существует полноценная административная граница, и визиты, подобные моему, являются сравнительно большой редкостью. Нынешний Донецк производит на гостей из России очень сильное впечатление. Это один из тех городов, которые сами по себе имеют ярко выраженный стиль и дух места. Там ощущается присутствие героизма, аскезы. С одной стороны, приезжий видит, что это один из красивейших русских городов, а с другой — не может не заметить, что это город, находящийся в прифронтовых условиях. Причём эта атмосфера ощущается повсюду.

В конференции участвовали представители всех основных общественно-политических движений и партий, существующих в Донецке и в Донбассе: от анархистов до монархистов. Для участия в мероприятии собралось около сотни людей: политиков, университетских преподавателей, журналистов, общественных деятелей. В настрое всех участников ощущались чувство солидарности и дух интенсивного и открытого диалогу идейного поиска. Там, где речь идёт о жизни и смерти, атмосфера в обществе сильно меняется, и поэтому в городах, которые живут в мирных условиях, таких как Воронеж, Москва или Ростова-на-Дону, нельзя почувствовать то, что разлито в воздухе Донецка. Жители этого города видят, что против них ведётся война, и эта война ведётся не только с помощью стрелкового оружия, танков, систем залпового огня, но и с помощью идеологии. На Украине есть мощные пропагандистские центры, которые умеют работать с массами, умеют доносить свою позицию до целевых групп. Со стороны ДНР или России такой системной и целенаправленной идеологической работы с населением Донбасса не ведётся, и местные жители это очень остро ощущают.

Весьма интересным оказалось содержание выступлений участников круглого стола конференции. Многие доклады содержали в себе синтез «правых» и «левых» взглядов. Вот наиболее примечательные цитаты из этих выступлений: «Мы носим в себе «уваровские» (прим.: по имени графа Сергея Уварова, министра народного просвещения 1833—1849, разработчика идеологии официальной народности) концепции: «Православие, самодержавие, народность», мы хотим верить в некое мессианство власти, в её отречение от себя во имя государства, мы должны понимать какое общество и государство мы должны и хотим построить»; «Мы рано или поздно придём к чему-то, что напоминает монархию, но с присущими нашему народу инструментами народовластия. Сейчас же для республик Донбасса очень важен приток свежих мыслей, идей и мнений из России». Вторая цитата принадлежит человеку, который принимал активное участие в событиях «Русской весны» на Донбассе и на раннем её этапе вёл работу

со службой безопасности Украины, фактически проводя фильтрацию этой структуры на предмет наличия в ней украинских радикальных националистов. Содержание моего выступления было посвящено русскому консерватизму, его истории и тому, что он собой представляет в наши дни. Начало конференции было отмечено посещением главы Донецкой Народной Республики, председателя Совета министров и верховного главнокомандующего вооружёнными силами ДНР Александра Захарченко. После того, как он вошёл в зал заседаний, за ним появились автоматчики, которые разбили зал на сектора, после чего Захарченко произнёс короткую, но очень яркую речь, в которой были слова: «Наша война — за нашу веру, за наш язык, за нашу Родину». Тем самым глава ДНР, вероятно, сам того не подозревая, воспроизвёл формулу великого русского консерватора А. С. Шишкова, который был главным идеологом и ритором Отечественной войны 1812 года.

После конференции Захарченко организовал для меня небольшую экскурсию в знаменитый донецкий аэропорт, туда, где находятся передовые позиции армии ДНР и проходит линия фронта. Донецк во время поездки произвёл впечатление очень благополучного города: несмотря на то, что порядка 75% его территории доступно для артиллерийских ударов украинской армии, падение снарядов в черте города — довольно редкое событие. Однако выехав за его пределы, человек может совершенно неожиданно для себя увидеть, что окраины города превращены в некое подобие безлюдного и безжизненного лунного ландшафта, вызывающего ассоциации с чернобыльской зоной отчуждения. В этих местах царит тишина, лишь изредка нарушаемая отдалёнными звуками минных разрывов. Большинство деревьев здесь — мёртвые. Это лес, который был истерзан пулями и осколками снарядов, это деревья, которые уже никогда не зацветут. Развалины аэропорта — это множество сложившихся железобетонных конструкций, это что-то кричащее. Здание «девятки»¹ буквально изрешечено «Градами». Мно-

¹ Девятиэтажный дом, стоящий в нескольких сотнях метров от того места, где раньше был штаб Моторолы и самого Захарченко.

гие из тех, с кем я говорил, в будущем хотят сделать из этого здания памятник мужеству и героизму защитников Донбасса, подобный тому, каким стал общеизвестный «Дом Павлова» в Сталинграде. Окраины Донецка в районе бывшего аэропорта — это то место, в котором человек, приехавший из России, может прочувствовать, что в Донбассе решается судьба России и Русского мира. И люди, с которыми мне там удалось пообщаться, заставили и меня это очень остро осознать.

После моего выступления на конференции, слушатели адресовали мне ряд вопросов, большинство которых было задано по поводу концепции левого консерватизма. Около пяти человек активно комментировали моё выступление, но основной посыл их реплик был один: «Народ Донбасса стремится сохранить свою русскую национальную идентичность, что невозможно сделать без опоры на традиционные ценности. Основа русской идентичности — это язык, и беспокойство за судьбу русского языка чувствуется на Донбассе особенно остро. основополагающая ценность народа — это православие, и уровень религиозности на Донбассе сейчас выше, чем в Москве или в большинстве других русских городов. Кроме того, народу присуще определённое видение своей истории, своей культуры». В то же время нельзя забывать, что Донбасс — это рабочий, промышленный регион, который в 1920-е годы был одной из опор Льва Троцкого, главы крайне левого течения в большевистской партии. Именно сторонники левой политической идеологии очень активно проявили себя во время «Русской весны» 2014 года. По всей видимости, в настоящее время на Донбассе идёт активный поиск идеологического синтеза, в котором левые ценности должны сыграть очень важную роль наряду с консерватизмом.

Последнее направление консерватизма, которое нельзя обойти вниманием, — это так называемый правительственный консерватизм. До октября 1993 года значительная часть русского консервативного поля была поделена на национал-большевистскую и либерально-консервативную части. Однако после октябрьских событий 1993 года

начинается процесс перехвата консервативных идей и лозунгов высшей государственной властью. С 1993 года в лексике правящего политического класса появляются элементы державно-патриотической риторики, начинают вестись разговоры о единой и неделимой России, о национальной идее, национальной традиции. Впрочем, первым среди правящего слоя о возможности использования консерватизма в целях политического выживания заговорил государственный секретарь РСФСР Геннадий Бурбулис ещё в 1992 году. Тогда же было инициировано создание «Партии российского единства и согласия» (ПРЕС), вторым названием которой было «Консервативная партия России». В декабре 1993 года ПРЕС прошёл на выборах в Госдуму и создал одноименную фракцию, лидерами которой стали Сергей Шахрай и Вячеслав Никонов. Консервативный характер этой партии нашёл своё отражение в её официальных документах. Хотя либеральная и западническая составляющая в этих документах, безусловно, преобладали. Программа партии представляла собой кальку аналогичных программ консервативных партий и организаций, существующих в США. Более того, в документах ПРЕС прямо говорилось, что российский консерватизм ни в чём не должен отличаться от существующего на Западе. В 1995 году появилась политическая партия «Наш дом — Россия», которая начинает использовать клипы, сделанные Никитой Михалковым.²

Экономический кризис 1998 года в значительной степени компрометирует в глазах общества либеральный подход, и не толь-

² Никита Михалков никогда не скрывал своих традиционалистских и монархических убеждений. То, в какой мере его убеждения соотносились с убеждениями лидеров партии «Наш дом – Россия», можно оставить открытым. Тем не менее Никита Михалков тогда очень многое сделал для популяризации консервативных идей. Например, достаточно известен тот факт, что он издал избранные работы Ивана Ильина «Наши задачи», и эти изданные им томики вручались затем Ельцину и Черномырдину. Представляется весьма вероятным, что именно через Михалкова с идеями Ильина ознакомился и нынешний президент В. Путин. Таким образом, нередко встречающиеся обвинения Никиты Сергеевича в известной беспринципности, как минимум, существенно преувеличены. У него есть своя мировоззренческая позиция, от которой он никогда не отходил.

ко в экономической сфере. Короткое премьерство Примакова актуализировало риторику, в которой превозносились традиция сильной государственности и концепция национальных интересов. Разворот самолёта Примакова, летевшего с официальным визитом в США, над Атлантикой, после того, как им были получены первые сообщения о натовских бомбардировках Белграда, был крайне символичен. Тогда же происходит беспрецедентный всплеск антиамериканизма во всей России. При том, что предшествовавшие этому вторая половина 1980-х и начало 1990-х годов прошли под знаменем сильнейшей волны искреннего, даже наивного народного американизма, бескорыстной платонической любви ко всему западному. В 1998-1999 годах происходит радикальный политический перелом и в настроении народа, и в официальной политике. В речах самого Ельцина всё больше находит отражение лексика русских консерваторов, апеллировавших к «великой державе», «духу нации», «обретению национального достоинства», «обращения к национальным истокам». О необходимости российского консерватизма заявляет руководитель партии «Наш дом — Россия» Рыжков. С приходом же к власти Владимира Путина начинается своеобразный бум государственного консерватизма. Причём этот процесс идёт по нарастающей. В 1999 году Путин публикует свою программную статью «Россия на рубеже тысячелетий», в которой высказываются мысли о необходимости для России идеологии, в основе которой лежали бы патриотизм, державность, государственничество и социальная справедливость в сочетании с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем, в том числе и бурным XX столетием. Естественно, все перечисленные ценности в соответствии с содержанием статьи должны сочетаться с политикой экономического либерализма. Таким образом, с самого момента прихода к власти Путин начинает позиционировать себя как либерального консерватора. Эта его позиция не могла не спровоцировать возникновение системного запроса на консервативную идеологию. В скором времени возникают несколько новых консерватив-

ных клубов и организаций, например, Серафимовский клуб 2003 года (его рупором стал известный журнал «Эксперт»); идеологами клуба были известный телевизионный комментатор Михаил Леонтьев и Максим Соколов. Соответственно, начинаются идейные поиски в политической партии «Единая Россия». Идейные поиски в направлении социал-консерватизма шли параллельно, а порой и перпендикулярно политической практике самой «Единой России». «Единая Россия» — это главным образом партия представителей чиновничества, исполнительной власти, и идейные установки в ней играют второстепенную роль. Тем не менее попытки разработать социал-консервативную идеологию предпринимались. Например, по мнению авторитетного политического эксперта Леонида Полякова, как раз «Единая Россия» и её центры создали и разработали наиболее разветвлённый вариант современного социал-консерватизма. С другой стороны, можно вспомнить высказывание Владислава Суркова, который в середине 2000-х годов заявил: «мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем, что это такое». С тех пор прошло уже немало времени, и некоторая ясность в позиции политической элиты всё же стала появляться. Особенно заметно это стало после протестных событий 2011-2012 годов, так называемых «болотных протестов», которые заставили наиболее авторитетную часть политического класса определиться в своём отношении к либеральным и консервативным ценностям. Но в ещё большей степени повлияли на позицию политического истеблишмента события 2014 года: воссоединение России с Крымом, события в Новороссии, попытки санкционного давления объединённого Запада на Россию. В нынешней государственной идеологии прослеживаются следующие постулаты и понятия, которые несут отпечаток консерватизма:

- противостояние глобализму как космополитическому проекту с точки зрения национальных интересов;
- ставка на многополярность мира, на его, говоря языком Леонтьева, «цветущую сложность»;

- умеренное и во многом вынужденное антизападничество;
- защита традиционных христианских ценностей, по крайней мере, в форме апологии традиционной семьи;
- признание русских крупнейшим разделённым народом мира (этот тезис звучал в «Крымской речи» Путина вместе с тезисом о необходимости поддержки и консолидации русского мира).

Таким образом, впервые со времён Уварова государственная власть стала формировать консервативную идеологию, а также системно поддерживать тех авторов, которые могли бы этот процесс обеспечить. В настоящее время особую роль в этом процессе играет Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ). Кроме того, широко известны «Бердяевские чтения», которые проводятся этим институтом и которые консолидируют представителей академических и экспертных кругов, придерживающихся консервативного и либерально-консервативного направления мысли. Издание, в котором отражается позиция этой влиятельной экспертной группы, — альманах «Тетради по консерватизму» (также издаваемый при ИСЭПИ). В состав редколлегии этого издания входят такие известные эксперты, как Л. В. Поляков и М. В. Ремизов. Материалы этого альманаха широко обсуждаются на нескольких влиятельных информационных интернет-ресурсах, таких как «Русская идея» (главный редактор — Кирилл Бенедиктов). С каждым новыми Бердяевскими чтениями современная государственно-консервативная идеология детализуется, приобретает всё более чёткие контуры, вовлекает в своё сообщество всё новых философов, политологов, историков.

Помимо ИСЭПИ можно привести ещё несколько центров консервативной мысли. По сравнению с ситуацией 1990-х годов их сейчас довольно много. Нельзя не вспомнить Институт национальной стратегии (руководитель — Михаил Ремизов), Российский институт стратегических исследований, Фонд исторической перспективы (руководитель — Наталья Нарочницкая), телеканалы «Спас» и «Царьград» и многие другие.

Таким образом, в начале 2000-х произошёл очевидный сдвиг общественного сознания, подобный тому, который имел место в начале XIX века. В то время консерваторы составляли лишь группу маргиналов, ненавидимых при царском дворе. Представляли людей, у которых не было шансов сделать политическую карьеру и которые воспринимались просвещённым обществом не иначе как городские сумасшедшие. Они высмеивались тогдашней либеральной элитой, про них писалось огромное количество обличительных статей и эпиграмм (всё это стало достоянием русской литературы и русской культуры в целом). Но по прошествии нескольких лет эти люди заняли ключевые должности в системе русского государственного управления. Нечто подобное произошло в последние годы и в современной России. В середине 1990-х годов консерваторов называли не иначе как русскими «нацистами», «фашистами», «красно-коричневыми». Однако к настоящему времени русский консерватизм превращается из маргинального во вполне респектабельное течение и активно влияет на внешнеполитический курс страны. При этом не будет лишним ещё раз указать на тот факт, что нынешний русский консерватизм во многом является продолжением старого, дореволюционного консерватизма. Произошло своеобразное чудо: несмотря на катастрофы XX века, через десятилетия протянулись нити невидимых связей, которые соединили эти два явления. Очевидно, что ценностная матрица русского консерватизма сохранялась даже в советский период. Сейчас трудно делать долгосрочный прогноз развития этой идеологии. Но подводя итог экскурсу в её историю, следует сказать, что в 1917 году страна испытала колоссальный идеологический крен влево, а затем — вплоть до 1991 года — последовал ещё ряд ценностных катастроф. Трагедия 1917 года объясняется, прежде всего, слабостью русского консерватизма, а всё то, что последовало за ней, — его фактическим отсутствием. Можно сказать, что консерватизм играет роль скелета, или роль иммунной системы, которая предохраняет общество и государственный механизм от революционных сломов, от необдуманного утопиче-

ского радикального реформирования. Представляется исключительно важным, чтобы консервативные ценности и консервативные политические и культурные практики укрепились в российском обществе, приобрели системный характер подобно тому, как они приобрели его во всём мире. Именно благодаря наличию консервативного направления мысли Англия и Америка избежали революций, подобных той, которая произошла в России в 1917 году. У них был мощный консервативный иммунитет, который начинает размыться только в наши дни. История — не учительница, а назидательница, она наказывает за плохо выученные уроки. Поэтому урок революции должен быть нами усвоен.